

В тесной связи с изучением проблемы „историзма“ в древнерусской литературе, начинается решительный пересмотр того, как выделилась из общего фонда древнерусской книжности собственно художественная литература, имевшая свои, независимые от задач исторического повествования, цели; когда и при каких условиях свободный вымысел сюжета заменил воспроизведение — более или менее точное — реально случившегося события.

Все эти вопросы намечаются уже в исследованиях последних лет, посвященных литературе XVII в. Вскрываются свободные вариации на исторические темы, которые не боятся анахронизмов, смелого перенесения на одно лицо эпизодов, приуроченных к другому, введения сказочной фантастики и т. д.; характеризуется сплетение вымысла с отголосками исторически точно переданных фактов в легендах, приближающихся, таким образом, к бытовой повести, и, наконец, определяются зачатки будущего романа.

Так подготавливается материал для установления признаков перелома в средневековой литературе, и появления качественно новых литературных явлений. Эти признаки и породившие их причины были сложны и многообразны. Решительно отвергая господствовавшее в дореволюционном литературоведении представление, будто одной из главных причин литературного перелома в середине XVII в. было „западное влияние“, советские исследователи связывают этот перелом с условиями общественной жизни, ростом значения демократических классов, выдвинувших свои интересы в обстановке начавшегося освобождения личности от средневековой авторитарности.

Изучая содержание литературы древней Руси и ставя проблему художественной формы литературы, мы неизбежно приходим к необходимости разобратся до конца в своеобразном мировоззрении средневековья, изучить склад понятий, господствовавший в эпоху феодализма на данном его этапе, способ воспринимать эти понятия, отражавшиеся и на отношении к фактам реальной действительности. Известно, что в средние века воздействие теории, системы, общепризнанных норм на сознание было значительным; между тем нельзя не признать, что для русского средневековья сделано еще далеко не достаточно, чтобы его мировоззрение предстало перед нами во всей отчетливости.

В любом общем обзоре мы найдем перечень тех памятников книжности „феодализованного христианства“, которые в течение всего средневековья входили в круг чтения образованного человека вообще, а следовательно, и большинства писателей и читателей. Общие обзоры дореволюционного времени ограничивались обычно информационно-библиографическими сведениями об этой книжности, давая формальные пересказы содержания наиболее популярных памятников. Учитывая зна-